



ВЕДЬМА ЗАПАДА МЕРТВА

Ведьма Запада умерла. Это случилось перед началом четвертого урока — по естествознанию. Меня позвала сотрудница школьной администрации и сказала, что скоро приедет мама, поэтому нужно собрать вещи и ждать у главных ворот школы.

Что-то случилось.

Когда скучная, распisanная по минутам жизнь вдруг резко превращается в драму, возникает странное ощущение тревоги, смешанной с ожиданием. Наверное, именно так я тогда себя и чувствовала. Я собрала вещи и ждала маму у ворот школы. Вскоре она подъехала на своем темно-зеленом «Мини».

У мамы — наполовину англичанки, наполовину японки — глаза и волосы были черные, но как будто более мягкого, теплого оттенка. Я люблю мамины глаза. Только сегодня они выглядели безжизненными и усталыми. Лицо тоже было бледным. Мама остановила машину и жестом позвала меня садиться. Я нервничала, поэтому быстро забралась внутрь и закрыла дверь. Автомобиль сразу тронулся.

— Что случилось? — осторожно спросила я.

Мама глубоко вдохнула:

— Ведьма потеряла сознание. Похоже, всё.

В этот момент из моего мира исчезли все звуки и краски. Мне казалось: единственное, что я слышу, — это как где-то глубоко внутри меня гудит кровь. Через некоторое время звуки и цвета начали возвращаться. Но они уже были не такими, как раньше.

Мой мир больше никогда не был таким, как раньше.

— Она еще...

«...жива?» — хотела спросить я, но вдруг замолчала.

Я выдохнула и продолжила:

— ...может говорить?

Мама покачала головой:

— Мне позвонили. Похоже, это был сердечный приступ. Когда ее нашли, она уже лежала без пульса. В больнице, кажется, хотели сделать вскрытие, но она ведь из тех, кто против такого, поэтому я отказала.

Да, она из тех.

Я откинула спинку сиденья и закрыла глаза, уткнувшись в предплечье.

Тело казалось страшно тяжелым. Это был шок. Скорее шок, чем грусть.

Теперь нам предстояло шесть часов пути. Час до скоростной дороги, четыре часа — по ней и еще час после съезда.

Преодолеть такое расстояние на «Мини» было особенно тяжело. Эта машина будто не ехала, а ползла, измеряя дорогу всем своим телом.

Я убрала руку от лица и уставилась в лобовое стекло.

Тут и там на нем начали появляться редкие капли дождя. Но мама не включала дворники. Вчера по телевизору объявили о начале сезона дождей.

Нет, не по телевизору — метеослужба объявила. Дождь постепенно усиливался, а пейзаж за окном становилось все труднее разглядеть, но мама этого как будто не замечала. Я украдкой на нее взглянула. Она плакала. Беззвучно. Слезы текли по ее лицу и капали. Мама всегда так плачет. Я уже видела это раньше.

— Дворники, — тихо сказала я.

Секунду мама выглядела растерянной.

Наверное, сначала она заметила свои слезы и только потом — внешний мир.

— А... дождь пошел? — произнесла она спустя мгновение и включила дворники.

Капли исчезли со стекла, и за окном стали по очереди появляться и исчезать молодые листья платанов, растущих вдоль улицы. Я смотрела на них и вдруг подумала, что распускание платанов напоминает какой-то взрыв.

Достав из кармана платок, я протянула его маме.

— Спасибо, — машинально ответила она и, сжав руль одной рукой, свободной вытерла слезы.

Мне казалось, будто тело становится все тяжелее и тяжелее — словно я медленно тону.

И вдруг воспоминания о том, как два года назад, примерно в это же время, когда весна уже переходила в начало лета, я провела больше месяца у бабушки, с огромной силой потянули меня назад. Я почувствовала, будто снова оказалась в тех комнатах.

Запах сада, лучи света, прикосновение ветра — все это возвращалось так ярко, словно поднималось откуда-то из самой глубины.

Помню, как раз тогда мама с серьезным видом призналась мне:

— Да, твоя бабушка — настоящая ведьма.

И с тех пор между собой мы всегда звали бабушку Ведьмой Запада.

Два года назад, в мае, я окончила начальную школу и только поступила в среднюю. Все началось, как обычно, с астмы, которая каждый год обострялась на фоне смены сезонов. Но даже когда приступы прекратились, я не могла заставить себя пойти в школу. Стоило только подумать об этом месте, как мне начинало не хватать воздуха. Мама не знала, что делать, но вела себя мудро. Она не тратила силы на уговоры, попытки меня вразумить, ссоры. Однажды мама как бы между делом намекнула, что, может быть, мне пора уже вернуться в школу, но я посмотрела ей прямо в глаза и решительно сказала:

— Я больше в школу не пойду. Это место не причиняет мне ничего, кроме боли.

Мама не стала спорить. Она поняла, что если я так настаиваю, значит, дело действительно серьезное.

— Понимаю. Тогда давай пока немного отдохнем от школы. С начала занятий еще и месяца не прошло. Не стоит принимать поспешных решений. Наверное, ты не полностью оправилась. Через пару недель, может, к тебе и силы вернуться.

Странно, что мама не спросила, почему учеба причиняет мне только боль. Наверное, ей было страшно услышать ответ. Мама была наполовину иностранкой, и, возможно, поэтому ей самой так и не удалось

почувствовать себя в классе своей. И тогда, и сейчас в наших местах не было ничего похожего на международные школы. Вероятно, ей просто не хотелось снова переживать школьную жизнь через мои рассказы.

И все же я подумала: мама ведь окончила школу и даже университет в Японии. Впечатляет. А я уже в средней школе зашла в тупик.

В тот вечер мама позвонила папе, который по работе жил в другом городе. Я уже лежала в постели, но, превратившись в одно большое ухо, замерла и старалась поймать каждое слово.

— Да... приступов астмы уже нет, но она говорит, что не пойдет в школу... Да... Но, если слишком давить, получится только хуже... Почему не хочет идти? Даже не знаю... Она же у нас такая чувствительная... Наверное, ее что-то сильно задело... Она в этом плане трудный ребенок... Тяжело ей в жизни придется, конечно... В общем, я думаю отвезти ее на время в деревню к маме. Там хороший воздух, с ее астмой ей будет полезно... Я, конечно, слышала, что дети, бывает, отказываются ходить в школу, но никогда не думала, что это случится с нашим ребенком... Вот что называется «гром среди ясного неба»... Нет, я пока не хочу делать окончательных выводов... Конечно... Но ведь она всегда была отличницей... Кто бы мог подумать...

Потом мама стала спрашивать папу о работе, но мне это уже было совсем не интересно. Мама больше не могла мной гордиться. Это осознание было самым тяжелым и самым печальным. Мне хотелось сорвать одеяло и броситься к ней со словами: «Прости меня, мама». Но где-то глубоко внутри тяжелым камнем

лежали ее слова: «трудный ребенок», «тяжело ей в жизни придется».

И я знала, что это правда.

— Придется смириться, — тихо пробормотала я.

Я впервые произнесла эти слова. Мне даже показалось, что в этот момент я немного повзрослела.

— С этим придется смириться, — повторила я еще раз.

И я вдруг ощутила, что теперь эти слова уже по-настоящему мои.

Я решила, что по сравнению со школой быть «трудным ребенком» еще терпимо. Да и потом, мама ведь сказала, что отвезет меня на время к бабушке в деревню. Я с детства обожаю бабушку. К слову, я не упускала случая сказать ей об этом. Но вот сказать маме с папой что-либо подобное мне было стыдно. Возможно, причина, по которой я могла позволить себе так прямо выражать свои чувства при бабушке, была в том, что она иностранка. В такие моменты откровений она всегда улыбалась и отвечала: «I know» — то есть «Я знаю». Этот маленький повторяющийся разговор был похож на наш тайный пароль.

У меня поднималось настроение от одной только мысли, что я смогу жить с бабушкой. И все же вместе с радостью приходило и легкое беспокойство. «Жить вместе» — это ведь совсем не то же самое, что «приезжать в гости». Если бабушка узнает меня целиком, такую, какая я есть, — не разочаруется ли она во мне так же, как разочаровалась мама? И сама бабушка тоже казалась мне немного загадочной — будто в ней было что-то непостижимое. Иногда это даже немного пугало. Но, наверное, именно поэтому меня к ней так тянуло.